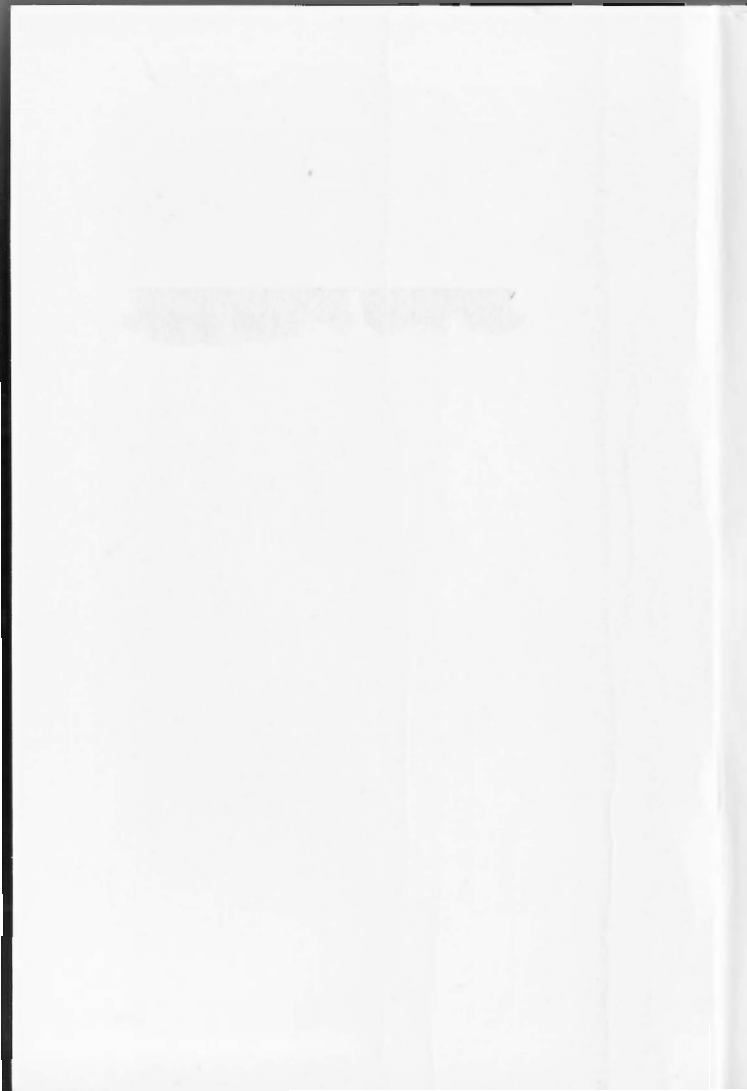

84P6K

А78

Екатерина Дубро

Подсказка
от Ангела

84Р6 К

А79

Екатерина ДУБРО

ПОДСКАЗКА ОТ АНГЕЛА

• рассказочки •

ЮРГА

2007

МБ

«Подсказка от Ангела» — новая книга Екатерины Владимировны Дубро, члена Союза писателей России.

Предыдущие книги: «Вернусь звездопадом...» (1973 г., премия Кемеровского обкома ВЛКСМ «Молодость Кузбасса»), «Медленные часы» (1976 г.), «Второе начало» (1980 г.), «Оглянись, расставаясь» (1982 г.), «Сплошные вопросы» (1985 г.), «Бумажный кораблик» (1988 г.), «Нежность» (2001 г., Кузбасская литературная премия имени А.Н. Волошина).

82079 (1)

РФ Кемеровская обл.
г. Ленинск-Кузнецкий
МУК "ЦБ им. Н. К. Крупской"

Ц Б С
г. Ленинск-Кузнецкий
АБОНЕМЕНТ

АЧО
1005

СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАКАЗЫ

(вместо предисловия)

— 1 —

Осенью 1989 года.

Позвонила женщина, представиться отказалась.

— Мы почти ровесники. И о вас я знаю все.

— Так-таки все?

— Достаточно много, скажем так.

И спросила она:

— Вы в каком настроении? В мрачном, наверное?

— Почему же? Нет.

— Значит, хорошее у вас настроение?

— Да, нормальное.

— Тогда почему людям его портите, мрак нагоняете?

Оказывается, дочь принесла мою книжку «Бумажный кораблик».

— Ужасно. У-жас-но! Что же вы делаете? Как позволяете себе такое?

— Пожалуйста, поясните.

— О чём вы пишете? Ни мысли, ни связи. Невнятица. Бред. А где вы видели таких женщин? Оторванность от жизни абсолютная.

(Несу отсебятину в пересказе: лишь бледное изложение смысла той напористой, словесно выразительной, нажимно интонированной речи.)

— Я понимаю, скучно вам, личной жизни нет, хочется чем-то заниматься, а нечем. Но и не тем же, чего не умеете, к чему не способны! Ведь ли-те-ра-ту-ра! А что можете вы дать, оставить в душе читателя? Какие выходы предложить? И без вас тошно, и без вас уныния в жизни хватает.

— Выходы откуда? — вякнула я. — Я полагаю, во всех входах и выходах человек самостоятелен.

— Да знаете ли вы, в чем назначение литературы?

— Возможно, вы правы, — сказала я. — Но зачем читали-то мое, изводились? В книгу насильно не тащат. Не понравилось, скучно — закройте, читайте другое.

— Хотите сказать, что плохих книг нет, есть плохие читатели? Но я привыкла начатое дочитывать до конца.

— Чем же вам сейчас помогу? Дело сделано, книги изданы, разошлись.

Она негодуяще фыркнула.

— Знаете что? — предложила я. — Напишите в книжное издательство. В газеты. Чтобы тоже

разбирались, что почем. И чтобы читатели не раскупали макулатуру.

— Никуда я писать не буду, а вам говорю. Раскупают за неимением выбора.

— Ну уж неправда, первоклассных писателей у нас много.

— Да нечего читать, нечего, понимаете? И издавать вас будут, потому что вы одна такая в городе.

Ну и расшевелились во мне игрунчики.

— Верно, одна. Не повезло нашему городу: нет у него пока других писателей. Но почему в городе? Такая одна и в Кузбассе. И в Союзе, пожалуй.

— Да, в городе такая вы одна.

— Нет, в Союзе, — торговалась я. — Не приуменьшайте моих масштабов!

Тогда она пустила в ход тяжелую артиллерию. По воробьям-то?

— Вы что, не понимаете, что вас печатают из жалости?

— Да ну?

— Несомненно! И люди к вам приходят тоже только с добром, не говорят правды о ваших произведениях.

— Откуда вам знать, кто и с чем приходит ко

мне?

— Знаю. Нетрудно и догадаться. Приходят, жалея вас.

— Вы тоже вот пришли ко мне. И с чем?

— Да, — согласилась она усмешливо, — я давно хотела высказать вам правду, которую вам надо знать. Открыть вам глаза.

— Спасибо за внимание.

— Да, живете и не знаете, что такое на самом деле ваша писанина.

— А вы знаете, — ответила я, — что сколько читателей, столько и мнений? И к любому автору готов. Но если у книжки тираж тридцать тысяч экземпляров и раскуплен, то читателей, как минимум, столько же. И каждое бы мнение — истина в последней инстанции?

— Это все абстрактные рассуждения, а я вам говорю правду: не заблуждайтесь!

— Во-первых, — упиралась я, непробойная, — вам неведомо моё собственное мнение о своей писанине. Во-вторых, почему верить именно вам, а не остальным двадцати девяти тысячам девятистам девяноста девяти? Интересно, как живется вам с таким-то самоуважением? Даже не усомняетесь в непогрешимости своей правоты? Неужто всерьёз? А дочь воспитываете как же?

— Но, но! — грозно окрикнула правдистка. —
Думайте, что говорите.

— Думаю.

Она стала подытоживать.

— Я послушала вас и вижу — на разных языках
говорим, вы ничего не поняли. Полная невос-
приимчивость. Кошмар.

— Говорю же, пишите в издательство, в газеты.
Нечем больше утешить мне вас.

Да, один нюанс: ее небрежная реплика:

— Ваше издавалось ведь только в Кемерове?

— В Кемерове. Но, — (это уже игрунчики мои
забавлялись, тоже выкатили пушку на воробьёв),
— были и есть столичные предложения. Знаете
ли, отказываюсь: Москва далеко, а в Кузбассе
тоже люди, верно? Вы и в Москву напишите. И в
Берлин: там перевели мой рассказ и другой моей
писаниной интересуются, тоже не разобрались.
Я-то воспротивилась...

На Берлине она споткнулась.

— Какой рассказ перевели?

Но я заскучала, про Венгрию добавлять уже
не стала — вежливо ждала завершения чита-
тельской конференции. И заскучалось женщине.
Оказалось, совсем открытым текстом надобно
вразумлять тупого автора. Почти по слогам.

— Прекратите писать, говорят вам, прекратите писать! Не занимайтесь ерундой!

Ага, бегу и падаю.

Бегу и падаю, спешу запечатлеть на бумаге сей персонаж моей личной жизни. Всегда тянуло меня в документалистику, да обстоятельства таковы, что на письме лишь под конец своих здешних сроков делаю материалом свою жизнь. И прежде ее же, но в форме другой, не в соотношении один к одному.

— 2 —

Осенью 1993 года.

— Пока вы раздумываете, продаваться вам или не продаваться, кто-то ждет вашего слова. И не дожидается, — сказал мне телемастер Женя.

Даже растерялась. Угол зрения необычный. И прежде-то не самообольщалась на сей счёт. Автору во мне, то бишь в творческой бригаде — автор, редактор, читатель, критик, машинистка — чувствуется неуютно: один против четверых! И мучительно на публике. Всей бригаде в диво мои книжки и читательское внимание к ним, читательские письма: что ли, моё, мне и о моём?! Да вдруг такой нынешний Женя, двадцати пяти лет.

- Женя, сейчас все другое — жизнь, люди, я.
- Вот и напишите об этом.
- Пишу.
- А кто читает?
- Для себя пишу. Просто способ жизни такой.
- А для других?
- Моё публичное время ушло. Сегодня требуются другие собеседники.
- А этого вы не знаете. Например, мне сегодня важно узнать, что думаете о жизни вы.
- Ой, спасибо. Но и денег же нет.
- А спонсоры?
- Запродаваться? Да, издаваться сейчас легко, за свой счет. Оно и правильно — за свой. Если таковой имеется. Или пиши «в стол». Слушайте, а откуда наши миллионеры, а? Производство в стране рушится, по миру пошли, а миллионеры и банкиры множатся. И в очередь к ним, с панели как бы, да? Кому нравится — пожалуйста.

Тогда-то и сказал мне телемастер Женя:

- Пока вы раздумываете...

— 3 —

Осенью года 2003-го.

- Люди ждут вашей помощи.

Думаю, так В. И. М. пытался взбодрить меня.

Мы обменивались письмами ко дням рождения, в продолжение былых деловых отношений, но и во времена иные он оставался — тоже дело! — готовностным к соучастию в моих бумажных интересах.

— Хотите, найду вам хорошего спонсора? — Это в 90-х годах.

— С художником я уже договорился. — Это в 2000-х.

Спасибо, спасибо, В. И., не надо мне спонсоров, не надо художника за бесплатно, книжку стихотворений ни маленькую, ни большую издавать тоже не буду.

Но сейчас я вспыхнула:

— Кому и какой помощи ждать от меня? В книжках? Это забавно! Мы и так все в помощь друг другу. Своим существованием. Стяжи дух в мире, и вокруг тебя спасутся тысячи: преподобный Серафим Саровский. Да, помоги себе сам. Проще простого.

Но позвонила Марина из Новокузнецка, и мне поступило — с того же «стола заказов»! — праздничное пожелание новых книг, своеобразно обоснованное:

— Пишите, Екатерина Владимировна, радуйте

нас. Вы ведь радовать нас должны, да.

Я попробовала отнекаться:

— Ничего я не должна, радуйтесь сами.

* * *

То аукаются мне свои же давние опрометчивые слова из стихотворения «Светись, окно» — «хватило сил бы мне помочь хоть чем-нибудь родне». Хотя подразумевались люди, сами обратившиеся за поддержкой.

— На чем и погорела.

О силах реклось физических, потому как в теле пребываю генетически отягощенном прогрессирующей мышечной дистрофией, всеохватно усталом, не рассчитанном на растратную жизнь, на самоотдачу. Равно как и на приятия чужого.

Оно и без того установлено жестко. Вот мой социальный заказ себе юной:

— Живи как следует.

Жить следовало полезно, не в тягость близким и обществу, то есть самодержательно — самообслуживаясь и самообеспечиваясь: морально, материально и, насколько возможно и невозможно, физически. Надо + хочу = могу. А чего не могу, того и не надо.

Мне посчастливилось в раннем детстве на лю-

бовь к чтению и неодолимую тягу к собственному письму. Так что было с чем в себе, четырнадцатилетней, осесть дома навсегда. Не трагедия.

Окончив школу, устроилась в КБО швейнадомницей (имея неподнимающиеся руки) и в 18 лет уже имела пенсию. По инвалидности, но пенсию, не социальное пособие. На которую и живу.

Мне нравится на чистосердечные советы доброхотов переселиться в дом инвалидов отвечать:

— У себя дома мы государству обходимся дешевле.

Впрочем, не знаю, как теперь. За всех-то.

Мне же, в 38 лет оставшейся одной, надобилось лишь оставаться у себя дома — при своих бумагах и книгах, в тишине, самообслуживаться в пределах кровати, а чужие услуги оплачивать.

Так и живу — ничья не подопечная, не подшефная.

Без прогулок, помывок, личных прошений и приглашений к себе, без посягательств на карманы частные и общественные. Кормлюсь-поюсь, слава тебе, Господи, всё еще из собственных рук.

— Чего еще?!

Даже издающихся авторов в Юрге теперь много, среди которых, я подозреваю, и та моя давняя разгневанная — см. выше: гл. 1 — анонимная собеседница.

Её страстные радения обо мне, сирой, тоже не остались вотще — отозвались на них родственные ей души из тех, кого я принимала в своем доме, ныне разоренном.

Меня украли у меня

Средь бела дня, средь бела дня...

И это вообще, а не только о выкраденных рукописях, архиве и книгах.

* * *

Хоть расшибись в объяснениях — а и расшиблась, — людям добрым обычно не внятен и глубоко чужд трагизм чужой жизни, в которую они идут по своим надобностям, как в кустики по малой нужде.

Но сама-то я обошлась с собой беспощадней всех: не затворилась, не отмалчивалась, не спасала себя — упуская свои сроки и возможности, утрачивая наработанное.

— Не сумела я охранить своё одиночество от суеты, свою жизнь — от надругательства. Трагедия.

Не знаю, заметил ли телемастер Женя — см. выше: гл. 2 — в нашешской «Новой газете» в годы 2000-2005 рубрику «Заветные страницы», но теми цитатами из трудов всечеловеческих светочей духа, сердца и мысли я приглашала нас всех думать об истинах жизни, приглашала к самопознанию, самообретению, самопреобразованию.

А сама приглашена к ответу. Социальный запрос! В лице Галины, которая из моей молодости, а я из её юности, когда она звонила мне по ночам разговаривать и когда загадывала желанья на свет в моём окне в поздний час: горит ли?

Возникла она вдруг, ночным телефонным звонком из Томска. Обнаружив меня по-прежнему у себя дома и в самодержавном одиночестве и даже без компьютера, спросила тоже вдруг:

- Ты когда сдашься?
- Никогда, — ответила я по инерции.
- Почему?
- Не хочу потому что.
- Почему не хочешь?
- Да так нравится мне.

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

— Подарок тебе привезла из Кемерово, — сказала Люда Лоц. А подарку сказала:

— Нигде тебе не жить лучше, чем здесь.

Щенка привезла! Из дома, где квартировала.

— А наши кошки? А мои родители? Не мне ведь убирать.

Ну, да смирились все.

Нарекли Дарьей, и она, штука-злючка «столичная», воцарилась у нас владычно.

Возражений не терпела. За слово «нет» или «нельзя» облаивала и, ежели на отказе настаивать, впадала в истерику.

— Ах, ах, ах! Мне! Мне! — Стонотно подпрыгивала возле моей кровати, пока полакают сырого яйца из моих рук кошки, перед тем как долакать ей. Наконец нетерпёж взнёс её с пола, и взятая кроватная высота отныне устраняла их преимущества, а я уже остерегалась запретных слов: и повалит, и покусает.

— Хулиганка!

Мало того что прудила по всей квартире и тапки утаскивала в свои схороны, — производила вещественный ущерб, неумоимо.

— Надо же ей заниматься чем-то, — оправды-

валась я перед мамой.

— Ну, я на работе, а ты дома. Неужели не видела?

Мама рыдала над новой, ею связанной и Дашкой изгрызенной кофтой. (Пришлось распускать и перевязывать).

В махровом халате прогрызла рукав. Вывела из строя мою — дефицит, папа привёз с далекого курорта — шариковую четырёхцветную ручку, итальянскую. И так далее.

Собачью службу исполняла тоже рьяно, облаивая проходящих, а иных и пока не отбудут восвояси.

— Заткнись! — тоже свирепел один из таких, при ком, впрочем, она пряталась под книжный шкаф и, разумеется, не затыкалась.

Кто есть кто, разбиралась чутко. И в кошках. К Еве не приставала, зато терзала Монику. Буквально ездила на той, каталась. Есть фотография с них в проходном эпизоде: покорная Моника, а сбоку задирается, угрызая, Дашка.

— Моня, ты почему терпишь? Защищайся!

Не защищалась, только всплакивала от боли. Мы вступались, конечно, но что толку? Пока не вмешалась Ева.

Ну, Ева была особа непредсказуемая и мамаша

своеобразная. К дочкиным воплям оставалась безучастной.

Но вот Дашка опять оседлала свою жертву и вкусилась, та взрыдала. И — вдруг, молча — взметнулась с дивана Ева! В сей же миг взвизгнула Дашка и, скуля, рванулась прочь, а за ней по полу кап-кап кровушка с рассаженого Евой уха.

Мы её пожалели, утешили, рану полечили, но и поназидали:

— А сама как поступаешь с Моникой?

Поступать она стала иначе. Кусанет Моника да скорее задком к ней повернется и оглядывается, весело скалясь, скашивая хитрый глаз: вот тебе! Теснит этак задком Моника, теснит и напирает. Но с оглядкой уже на Еву — не поблизости ли?

— Даш, а задка не жаль?

ТАКИЕ ПИРОГИ

Весна — 1973.

В моём сне П. Б. угощался пирогами с начинкой из пустых стержней от шариковой ручки. О чём и рассказала, извиняясь, ему.

— Брр, гадость! — ответствовал он. — Бред.

Обычно явь и сны у меня разнствуют только ситуационно, возможно, но не поведенче-

Ц Б С
г. Ленинск-Кузнецкий

Л. БОРИСОВИЧ

РФ Кемеровская обл.
г. Ленинск-Кузнецкий
МУК "ЦБС им. Н. К. Крупской"

ски, не в бытовых реалиях. На сей же раз впрямь бредятина.

Но.

Уже вышла из печати моя первая книжка рассказов «Вернусь звездопадом...» и появились в газетах положительные рецензии на неё. Уже получаю от читателей удивительные письма.

— Что творят. Не испортили бы тебя!

Шутки шутками, да почти всерьёз: захотелось и П. Б. публично отозваться, но критичнее.

В литобъединениях я не состояла никогда, сама по себе графоманствую с детства, круглая одиноличница. Хоть ругайте, хоть хвалите — «каждый пишет, как он дышит». Перемены могут быть только дыхательные.

С подробным мнением П. Б. о тех рассказах я была знакома: читал их в рукописи. По дружбе, как по службе — «вредным читателем»: именно на таком условии показывалась ему. Уже единственному, между прочим. Знавшему, и как не хотела, не любила я эту первую свою.

Посему его критических публичных хлопот я недопоняла. Но и не возражала, в известность поставленная — с правом «вето».

— Но тебе ведь хочется? Значит, быть тому.

И вот звонит:

— Сон в руку: накормила меня «пирогамии».

Оказывается, стержень исписался, дома ни одного запасного, киоски «Союзпечати» закрыты по случаю многодневного первомайского отдыха. А ему сдавать свой отзыв в газетный номер сразу после праздника.

— Представляешь моё состояние? Обрыскал всю квартиру. Грызу пустые стержни!

СВОИМИ СРЕДСТВАМИ

Телевизор не работает. Вызванный из телеателье мастер починил, да едва за порог — экран погас. Вызываем повторно — то же самое. Мама сетует:

— Теперь повелят принести телевизор в мастерскую.

А нести далеко и некому. Ну и живём без «голубого экрана». Периодически проверяя: вдруг включится?

Но приснился мне покойный папа и там нашу «Весну» починил. (В жизни — без таковых способностей.)

— Проверим?

— Может, и наотдыхался уже? — высказала надежду мама.

Так или этак, а телевизор включился и больше не капризничал.

Уже другой телевизор мне, одной оставшейся, «ремонтировал» папа же — сам однажды, а ко второй неполадке привёл мастеров. Во сне, разумеется. А срабатывало наяву.

РАЗБОЙНИЦЫ

Мы своих кошек в их дни рождения особо обихаживали, угощали по личному их вкусу и в досталь по аппетиту.

Ева родилась в июне, и того числа мы не знали, отмечая дату появления её крохотным котёнком у нас — второе июля: Евины именины, день наречения.

2-го июля года 1980-го, в тринадцатый такой день и в возрасте для кошек более чем солидном, она поймала воробья! На подоконнике.

С учётом ее сугубой домашности, без охотничьих навыков, сей её поступок, сам по себе в таких условиях исключительный, и вовсе из ряда вон.

Воробьишку поймала несмышлёного, не ведающего ещё всех опасностей летучей жизни. Сложил крылышки на подоконнике раскрытого

в лето окна и приветственно чирикнул. Может быть, мне?!

Кошек в комнате не было. Ева возникла внезапно, ужасом сперва моим — вот она, взметнувшаяся в приоконное кресло! — затем воробьишкиным — уже на подоконнике она! И уже в её лапах он, в её зубах трепыхается!

— Мама!!! — закричала я со своей кровати. — Ева птичку поймала!

Она же на диван умчалась с добычей, в другую комнату, маме в руки. Притеснённая там, отбивалась яростно, когти у неё и у старенькой ах и ах, — зубы размыкать на птичьем тельце не намеревалась.

— Ты же не голодная, Ева, отпусти, пусть живёт, он еще малыш. Как не стыдно тебе, Ева?

При помощи карандаша маме удалось-таки разомкнуть Евины зубы, высвободить пичугу. Помятую и в обмороке, да не вусмерть.

Поддержала мама её на раскрытых ладонях у окна, поугovarивала:

— Лети же, дурашка, лети!

И улетел воробей.

Перед Евой мы извинялись, заглаживали обиду. По большому счету как бы оправданные: социальная справедливость соблюдена.

Но какая уж тут справедливость?! Кошачий бог предоставил Еве возможность получить невероятный подарок, и она его заслужила, отработала. Блистательно. Свою первую и единственную в жизни птицу. А мы отобрали. Ограбили.

Навсегда стыдно мне.

МЕСТНЫЙ ЕВТУШЕНКО

И даже два Евтушенко. О чём я узнала поутру, проверяя своё сновидение, в котором меня намеревались принять в Союз писателей.

Собралась приёмная комиссия, но запаздывали Игорь Киселёв и Евгений Евтушенко.

— Но Киселёв в Кемерове, а Евтушенко в Москве, — недоумевала я, которая в Юрге.

— Нет, — возразили мне, — Евтушенко здесь, в Юрге.

Надо было созваниваться с ними, а мой телефонный аппарат в полуразобранном виде. Но звонить пытаются-таки,

Я же — усомняюсь, я против своей кандидатуры — и обосновываю это. Со мной не соглашаются, продолжая дозваниваться. Хотя бы до Евтушенко.

Номер «его» телефона я запомнила и наутро,

рассказав маме сон, обратилась к телефонному справочнику:

— Телефонирован ли кто с такой фамилией в Юрге?

Оказалось, двое и у одного тот самый номер. Точнее, почти тот же, разнствующий с приснившимся лишь перестановкой двух, рядышком, цифр в пятизначном числе.

— То-то и не дозвонились!

— Но, — сказали мы, — это интересно.

Вдобавок прибыло письмо из Кемерова, от моего редактора Людмилы Владимировны Глебовой, интересовавшейся тем, когда же наконец надумаю вступить в Союз писателей.

Впервые мне с сей целью бумаги для заполнения присланы были по выходе из печати моей второй книжки — по тогдашним правилам, кандидату в члены СП требовалось иметь изданных книг не менее двух. Я отказалась. Вышла третья и четвертая скоро. Время от времени мне напоминалось из Кемерова о СП.

Я полагала, это мое личное дело, и чувствовала себя хорошо.

— Леонид Леонов, Распутин, Трифонов, Думбадзе, Нагибин и так далее. Каков уровень! И меня бы маленькую туда?!

Пока не дождалась в ответ, по телефону:

— А мы тогда кто «там»?

— Я и с вами не сравниваюсь.

С ещё одним веским доводом себе в подкрепление:

— Изведусь ведь тогда: несвобода. И ответственность: ежели прозываешься писателем-профессионалом, выдавай продукцию. А так — пишу, когда пишется, или не пишу, вольная птаха. Дело это непредсказуемое, не запланируешь. Так же как и издательской благосклонности. Нет, зачем мне такое угнетение?

И удостоилась разъяснения прямым текстом:

— Катя, а ты не думаешь, что наша писательская организация должна расширяться? Расти творчески и численно.

Кемеровское отделение то есть. Такой мысли даже не возникало в моём уме — юргинской одиночницы-затворницы!

В самом деле, взрастили, взлелеяли «кадра»: в альманахе «Огни Кузбасса» и в Кемеровском книжном издательстве публикуюсь в условиях наибольшего благоприятствования, дважды побывала в писательских Домах творчества.

— Думаешь только о себе, — подначивал Игорь Киселёв.

— Да меня все равно не примут в Москве!

В общем, я устыдилась, но вступительные бумаги заполнила, лишь когда имела уже четыре книги и пятую в производстве. Когда смертельно заболела мама и я жила ею одной, и нам надо было не только горевать, но и продляться, насколько возможно и невозможно.

Маме, понятное дело, такого моего членства желалось — ну и пока-то соберутся по этому поводу в Кемерове писатели да в Москве две приёмные комиссии... А потом, поздравляя меня, она скажет:

— Но пока билета не увидела.

И пусть, думаю, подольше его не присылают.

Так и продлился год.

Билет члена СП СССР, вместе с авторскими экземплярами моей пятой — «Сплошные вопросы» — маме же посвященной книги, привезли мне как раз накануне маминого дня рождения, шестьдесят второго и последнего. Жить ей оставалось два месяца и три дня...

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

Августовский вечер: светло, тепло. У раскрытого окна Надя стоит, улыбочиво хмурится:

— Даже здесь не спрятаться!

— От кого? — спрашиваю.

— От них. Вон, стоит один, у тополя, глазеет сюда.

— Знакомый?

— Впервые вижу. Над-до-ели! — (Хорошенькая молодая женщина, избалованная мужским вниманием.) — Сейчас «жениха» к тебе приведу.

И правда, в дверь позвонили. Надя вознегодовала:

— Ну, выдам сейчас, обнаглел мужик!

От двери вернулась удивленная:

— Катя, он к тебе просится. Впускать?

— Почему спрашиваешь?

— Не нравится он мне.

— Пусть войдет.

И увидела я своего «жениха» — уже двадцать второй год нам с ним, — а разочарованная Надя удалилась.

— Мне сказали, тётя Вера в больнице.

Я заплакала. А он, унылый, сидел в кресле-коляске, вздыхал. Мне же и утешать его пришлось.

— Как живётся тебе? — спросила.

— Ты знаешь.

— Не знаю.

- Не жизнь, а каторга.
  - Ну что ты говоришь! У меня и то не каторга.
  - Говорю, как есть.
  - Живи, как хочется.
  - Для этого надо заново родиться.
  - Родишься. А пока поменял бы своё отношение ко всему. И переменится жизнь.
  - Как в сказке?
  - Как в жизни.
  - Это невозможно.
  - Сам же и приговариваешь себя.
  - Такая судьба, Катя.
  - Она такая, какой понимаем её.
- Безнадёжный был разговор, безотрадный.
- Вообще-то мы уже не видимся. В новогоднюю ночь, правда, позвонил, разбудил.
- Как-то бы собраться надо к тебе.
  - Надо ли?
- Собрался вот...
- И всё же, как тебе живётся? Чем занимаешься?
  - За шишками ездил. И упал с кедра. Знаешь, с какой высоты? Там и так-то страшно: ветер, гул, ствол раскачивается... Даже заплакал, так больно было. И обидно.

— Зачем же взбираться так высоко? Покачался, и ладно бы, а орешки белкам оставить.

И странно выразился он:

— Вот я тебя люблю, а ты со мной, как... старший брат.

Брат!.. Спросил:

— Что мне сделать для тебя?

В другое время ответила бы: «Ничего», а сейчас сказала:

— Накачаешь коляскины шины?

Но лопнул ниппель. Ниппельная резинка есть, да лежит где?!

Он повключал всюду свет, бродил в поисках подходящего проводка.

— Срежу хоть откуда.

— То есть как это — срежешь?! Чтобы авария потом случилась?! Вот дура: попросила! Ты там где? Что делаешь? — нервничала, изводилась, зывала я из своей комнаты, с кровати.

— Не волнуйся ты, не волнуйся, не уйду, пока не налажу, хоть до утра. И всё в порядке будет.

Потом, за полночь уже, покатила я на тугих шинах к входной двери — замкнуться на предохранитель, как велит мама. Дверь уже стукнула; я думала, за гостем. Но он дожидался там, в темноте.

- Я приду завтра?
- Не надо.
- Каждый день буду приходить.
- Спасибо, нет. Нельзя тебе, знаешь ведь, да и незачем.

Прокаталась я дома на шинах той накачки свои последние два месяца — и слетела с колёс, навсегда. В тридцать семь лет.

ДЛЯ МАМЫ

Запахи маму раздражали, есть отказывалась, но приготовлю, дозовусь — и поест-таки. Когда нет рвоты.

Шоколаду бы! И вкусно, и питательно, и энергетично.

Где бы купить?! В Пространство воззвала:

— Пожалуйста! Для мамы! Шоколаду!

При ней же, вслух.

Звоню в 22-ой магазин (для участников войны и инвалидов), раз в неделю заказать продукты. Заведующая Анна Сабировна перечисляет, как обычно, имеющееся и, вот, шоколад, впервые.

- А можно две шоколадки? Для мамы.
- Можно.
- Ой, спасибо.

Не съела мама ни одной, а под её подушкой остался шоколадный обломок в серебрушке...

Вослед же первым двум прибыла третья шоколадка, из Кемерова, вложенная в книжную бандерольку — от Тамары Ивановны Махаловой.

— Спасибо! — Поулыбались мы с мамой.

К Новому году получаю из Москвы книгу Баратынского в подарок от Нонны Анатольевны Ямщиковой — методиста по ЛФК в бытность моего отроческого пребывания в столичной клинике на лечении:

— Мама, и тоже с шоколадкой!

А Надя Финк уже мне одной шоколадку оставила. И я наконец спохватываюсь воззвать к Пространству, уже молча:

— Спасибо, шоколад больше не нужен: нет мамы...

НАИЛУЧШИЙ ВАРИАНТ

— 1 —

Наша с мамой последняя осень.

А годом раньше, едва оказалась мама в больнице, исчезли с нашего горизонта почти все из наших прежних знакомых, в дом приходивших, называвших себя нашими друзьями. Как облака,

растаяли. Слиняли. Улетучились.

Чистый небосклон — это хорошо. Не отвлекаться хотя бы на внешние барометры.

Татьяна, моя бывшая одноклассница, давно уже далёкая — географически — и тоже из близких. Письма присылала и в гости захаживала в свои отпускные приезды.

Навещавшие нас тогда люди все были далёкие уже, вынужденные: нам уходить, им — оставаться. Видимо, естественная самоохранная реакция.

Мы и не навязывались никому, не досаждали просьбами, в гости не приглашали.

Татьяну, непривычно прохладную, настороженную как бы — то самое отчуждение остающегося! — тоже не напугали, о своём горе речей не вели — держали себя, как если бы не пропадем, горестные.

Вторично заходить она не намеревалась — попрощались.

Но зашла. Совсем другая уже, с чувствами, с овощами в гостинец, с желанием что-нибудь поделать, И поделала: приготовила на соковыжималке овощного сока для мамы.

— Ушла от вас и спать не могу. Как же вы здесь одни, думаю. Как трудно и страшно вам, дорогие мои, бедные. Нет мне теперь покоя, если

не помогу вам. — И тому подобное, женское, задушевное.

Ну, мы с мамой, снеговушки, подтаяли, расчувствовались. Успокаиваем:

— Спасибо, Таня, не огорчайся.

Живём, де, как можем, а можем, пока хотим, а хотим, пока живём.

— Не видишь разве, неунываки мы, бытуем вполне самостоятельно.

— Вижу, вижу. Только в этом доме, наверное, и увидишь такое. Ну а дальше-то что?

— Как получится. Всё наше — наше. Да, мам?

Тут и предложила нам Татьяна свое опекунство. Обеим. Такую помощь.

— Для вас это наилучший вариант.

Если согласимся, едет домой, уволится с работы и вернется — к нам.

— Таня, мы под Красным Крестом.

— Что Красный Крест? Уколы сделать, в аптеку сходить? Это пока вы самостоятельные, а потом? А без тёти Веры? За ней буду ухаживать до конца, как за своей матерью. И тебя, Катя, не обижу, будешь накормленная и чистая. Вы меня, я думаю, знаете.

— А муж? Ещё помиритесь.

— Глаза мои не видели бы его, убежала бы без

оглядки, да некуда. Примете?

Дочь замуж выдала, со вторым мужем детей нет, связывает лишь квартира, неразменная. Переехала бы сюда, тоскливо ей вдали от родни, но квартира здесь у родителей однокомнатная,

— А на работе когда получу, дождусь? Сами знаете. У вас же, вон, вторая комната будет пустовать. А вся квартира никому не достанется.

— Государству, — уточнила я. Татьяна усмехнулась:

— Государству! А то бы человеку порядочному, не абы кому с улицы.

Уж на что я ко всему в человеке и в себе, казалось бы, готовая — и то оторопела.

— Подумайте хорошенько, я приду за ответом завтра.

Мы с мамой враз очувствовались, свои талые лужи подтёрли насухо и повеселились как могли. А для Татьяны приготовили, виноватые-таки, подарок. А уж спасибовали — спасибовали.

— Ты не беспокойся о нас, Танечка, — сказала мама. — Мы упрямые, а такие все сильные. Извини, по-своему жить привыкли.

И мне, ох, тяжело достался тот разговор: надо и не разобидеть человека, и чтобы понялось им наше.

— Таня, сами допечёмся.

— Смотрите, — отозвалась она, вновь отчуждённая, — Я только для вас хотела как лучше. Не хотите — не надо.

И тогда я спросила:

— Таня, зачем тебе такая обуза? А если я самоубьюсь? Тебя по милициям затаaskaют. Или нет, думаешь?

Молча глядела на меня.

— Тань, а если заживусь? Если понравится мне жить?

Промолчала она.

А действительно: как мне-то понимать такое опекуновство? Своей квартиры ждать ей долго, а моя, значит, пораньше освободится? Но духу не хватило задать ей этот вопрос.

— Таня, ты и так сможешь пожить у нас, если дома совсем нестерпимо и уедешь. Без опекуновства пожить.

— На каких правах? — ответила она. — Права у опекуна.

Ну, расстались.

— Все же подумайте покрепче, я буду ждать. Катя, позовешь телеграммой — тотчас рассчитаюсь и приеду.

Пообещала звонить нам (телефонистка, между

прочим).

Не позвонила.

— 2 —

Десять лет спустя. Телефонный звонок в июне 1995-го года.

— Это кто?

— А кого вам надо?

— Мне бы квартиру Дубро.

— Она самая. Слушаю вас.

— Катя?

— Да.

Татьяна, оказывается.

— Кого слышу! — отозвалась Дубро. — С чего бы вдруг?

— Да вот, приехала к своим. А про тебя никто ничего не знает. Ни слуху, ни звуку, ни в газетах ничего.

— А что надо слышать и знать?

— Ну, вообще. Тихо живёшь. Зайду к тебе как-нибудь.

— Нет, давай уж по телефону поговорим. Показываться не хочу.

— Да?

— Да. Сами отсюда усвистали. Ни слуху ни духу десять лет. А всё уже другое. И мы другие.

Ну, и где ты?

Рассказала. И спросила:

— Как хоть живёшь?

— Нормально живу, хорошо.

— С кем ты? Одна?

— Конечно.

— С медсестрой?

— Нет. Ни под какой социальной службой. Горничная раз в неделю приходит на час-полтора-два. В месяц, получается, всего одна рабочая смена. Выдаю ей зарплату. И всё, независимая.

— Ясно. Ты такая. Пишешь, нет?

— А как же. Пишу. Тоже, как и без независимости, нет мне жизни без этого.

ОДНОГО СТЕБЛЯ

Это как?

Оторопелая, несколько мгновений соображаю. Пока вперенный в эту картину взгляд не узрил её во всей целостности.

Узенькое, длинное перышко гвоздичного листа с фотооткрытки, лежащей на столовой клеёнке, завершалось на клеёнке! За пределами открытки!

— Быть не может.

— Но вот же есть.

А клеёнка разрисована тоже гвоздиками, васильками ли розовыми, как и фотографические: с такими же по форме и по цвету неярко-зелёными листьями. И срезанный краем открытки её живой фотolist продлился клеёнчатый рисованным — до своей верхушки. Изящно и естественно, тик в тик.

ЛАВИНА

Просыпаясь, я подумала, это журналы обрушились с ближней, за холодильник, тумбочки.

— На кухонный стул?

Он там рядом, а к кровати придвигаю его, когда готовлю поесть. Электроплитка на нем, ковш под вареву, посудинки разные.

Но посудных призывков не прослышалось.

Приглядевшись в ночи, стул увидела в прежнем порядке, а на полу, да, журналы, и во множестве.

— Странно.

Спала я тогда ещё лёжа, на животе, с котом Максимом на ногах. Повернуться на бок и сесть из-под такого пресса не могла, а коту без надобности сдвигаться по надобностям моим.

Всегдашняя канитель: и тряска, и тычки моей

едва дотянувшейся рукой, и взывания на всех регистрах — от просьб до гнева и отчаяния:

— Максим, будь человеком, уйди, я встану!

Хоть бы хны. Дрыхнет. Перетерпит. Улучай минуту, когда его аппетит пробудится в позыве срочно перекусить минтаем — на тарелке под креслом.

На сей же раз Максим не дрых, тем шумом пробуждённый тоже, но и аппетита не возникало.

На сей раз мне до утра бы провыжидалось — до другой его, более неотложной нужды, а то и дольше, потому что пробудился из-за шума, а значит, напуган и ни за какие коврижки покидать безопасное укрытие не намерен: своя жизнь дороже.

— Да сдвинься же хоть!?

До изнеможения билась, пока наконец не стрясся ксан в сторону, к стене.

— Ну, ты и гусь бесчувственный!

Села, включила свет — и увидала. И подумала... Ведь на шум в комнате проснулась я прямо из сна, в котором покойная мама, слышу, открывала кому-то дверь, приняла там кого-то и проводила.

— Кто был? — спрашиваю.

— Пионеры, за макулатурой. Я отдала старые

журналы, что лежали в ванной.

Я воздосадовала:

— Зачем? Я их отдаю Тамаре.

(И наяву отдавала — старые и новые журналы и газеты, а также с доставкой на дом — подписывая в подарок.)

И вот когда увидела я тот грандиозный журнальный развал на полу, подумалось в первый миг:

— Это мама пошутила — показывает мне: вон их много как, журналов, а ты пожалела для пионеров.

В миг второй весело подумалось:

— Вот придёт днём Тамара, ей и убирать это. Взаправду что «Тамаре отдаю». Скажу: «Тебе привет от моей мамы».

Но пришла медсестра Галина Васильевна, она и прибрала в комнате, сказав:

— Ни за что не поверила бы, что такое возможно, если бы сама не увидела.

В самом деле загадка.

В моей угловой комнате на втором этаже два окна — ближнее ко мне, в которое с кровати летом не видно ничего, кроме деревьев, а зимой просматриваются шоссе с перекрёстком и здания, и окно дальше, некогда заложенное журналами в два ряда, а с того, 1986-го, года —

лишь наполовину, но тоже снизу доверху и в два ряда, при двух, один на другом, телевизорах на второй половине подоконника.

Журналы те аккуратны и плотно, по размеру, уложила недавно горничная Таня.

И кресло приоконное. Прежде с него на подоконник запрыгивали в скоростных, безоглядных прогонах по квартире и друг за дружкой наши кошки, а оттуда — на книжные шкафы. Но даже под их лапами и даже не столь плотно уложенные журналы упали не более двух-трёх и не дальше, чем в то кресло, а не на пол.

Плюс телевизорный пожар, к примеру, случившийся двумя годами позже, в 1988-ом, когда мой спасатель — с улицы — скидывал их оттуда на пол кипами, по сколько захватится, от горящих телевизоров — и на полу высились их вороха. И там же, не дальше середины комнаты.

— И это при нарочито приложенных физических усилиях мужской руки!

Наконец, ещё одним годом позже случилось нечто похожее. Тоже самопад журнальный, только ночью летней и не столь обширно — лишь в то приоконное кресло.

— Но тоже непонятно почему, — сказала уже другая Таня, горничная же.

Мы же с Максимом пробудились тогда, как и при первом обвале.

Тот первый, в декабре 1986-го. Этакой много-ступенчатой дорожкой из журнальных книжек через всю комнату — с кресла приоконного дальнего и до самого плинтуса под тумбочкой за холодильником у стены в моём краю. Сметя на своём пути из-под ближнего кресла большую тарелку с котовой рыбой и двумя плошками — с молоком и водой (разлились), вбок вышибло их, под отопительную батарею.

Дорожка во всю длину комнаты, а это, считай, четыре метра, и похоже, лишь стена остановила ту лавину.

— Какую же толчковую силу надо было ей придать для разгона на такое расстояние?!

— Ни с того ни с сего притом. В закрытой комнате, безветренной зимней ночью.

Деталь: оба ночных происшествия с журналами, в годах 1986-ом и 89-ом, отмечены одним числом: 18-го декабря, 18-го июля. Как знак ко вниманию?

— Вяля. Ну, и что?

Пространственное явление. Нерукотворное. Углубляться в догадки поподробнее не стала.

Собственно, того же порядка, наверное, было

и падение утюга со стола на пол. Сверзнулся он днем в другой комнате, мы с Максимом не спали, но впечатлились весьма: гроыхнулся мощно.

— Максим, иди взгляни, что там?

Как бы не так, ищи дурака в другой деревне. Напрягся, растарацился, ушки на макушке — и с кровати не сходил долго.

Что это утюг грохнулся, узнала я потом, от Тани.

— Что ли, стоял так ненадёжно?

— Нормально он стоял. Как всегда.

Ну а в том декабре, уже утром, Максима пришлось-таки сталкивать с кровати:

— Да сходи же, куда тебе надо, сходи, не бойся. Не двигаются они, видишь? Просто лежат. Почитать не хочешь?

Книгочеицын же кот, со страстью непреходящей — изорвать в клочки любую под лапой оказавшуюся бумаженцию. Я обмирала в перепуге, когда на пол ронялось что-либо бумажное да не с моей стороны, откуда могу поднять, а за кровать, например, в изножье. Звук бумажного шлепка об пол тетрадки, письма и прочего засекался его слухом тотчас и устремлял Макса к себе отовсюду, чем бы ни занятого. Когда мне надо было при каких-либо работах подосвобо-

даться от его участия, я зашвыривала в кресло газету потолще.

— Читай, потом расскажешь.

Читал он истово и обстоятельно: под одной лапой газета в прижиме, другой захватывается с краю и направляется в рот; оторванный клочок выплёвывается — и так далее, до полного измельчения. И шёл рассказывать мне.

А тут — без интересу. Таращился на тот развал и упирался.

ДВУХКОМНАТНАЯ ЖИЛПЛОЩАДЬ

Первую машинопись своих писаний, черновую, произвожу на оборотной стороне бумаги уже испечатанной, с забракованными текстами.

Листы брала из папки как возьмутся, и лежали-то они чистой стороной вверх. Но рассказочке «Привет медицине» совпало наложиться на отрывок из автобиографической повести с этим же, в косвенном упоминании, персонажем.

СНЕГОВУШКА

Пьяненькая, она позвонила мне новогодней ночью 1987-го, и мы надолго увязли в тягостных

речах. Сидела она там на полу в коридоре, мучилась сама и меня мучила.

— Ты не представляешь даже, как я помню тебя. Не вспоминаю, а — помню.

Я останавливала: не надо ей говорить этого, а мне слышать.

— Нет, надо. Потому что я дрянь. И не могу так больше.

— Успокойся, — взывала я. — Я живу, как сама организовалась. Не хочу, чтобы и от меня зависел чей-то душевный покой.

Она не внимала.

— Мы сегодня ели, ну эти... колочки из дражной картошки с мясом, какими кормила тётя Вера. Мама спрашивает: «И как Катя одна живёт». А я не представляю. Как — ты — одна — живёшь!?

— Нормально живу.

— Как: нормально? Я с ума сойду!

— Видишь ли, у всех у нас свои нормативы. Разные то есть.

Она не знала даже, что уже не сажусь в кресло-коляску.

— Ужас. А кто дверь открывает?

— Я. Дистанционное управление.

— А кормит тебя кто?

— Ещё чего. Сама кормлюсь. Всё рядом с кроватью. И посуду мою сама, в бидон.

— А продукты кто приносит?

— Заказываю по телефону в магазине для инвалидов, раз в неделю-две, привозят. Рыбу для кота и хлеб приносит Таня.

— Кто это?

— Помощница, которой плачу. Всё у меня в порядке. А у тебя?

— Да ну.

Поинтересовалась, кто меня навещает из прежних.

— Никто.

— Вот какие мы. Когда нас прижимало, к тебе шли, а тебя одну оставили.

— Прекрати. Я же одиноличница по натуре, одиночница и снеговушка. В коллективе умру. Не по силам бы.

Говорит, по заложенному журналами второму окну моему узнаёт, что я ещё здесь...

Пообещала прийти сегодня же. Я запретила.

— Мы уже поговорили. И ещё поговорим, когда захочешь. По телефону.

— Я не могу разговаривать с тобой по телефону, когда дома не одна.

(Она и той ночью выгоняла своих домашних из

коридора в комнаты, «чтобы не высовывались».)

— Приду. Или дверь мне не откроешь?

— Не открою. И зачем нам такое надо?

Пришла, вечером. Проспавшаяся, тихая.

У меня же на прикроватном стуле с электроплиткой доваривался суп с мясом — для бабки Марины, одинокой.

— Отнесёшь на четвёртый этаж?

Поразилась она донельзя:

— И ты ещё кормишь кого-то?!

О захворавшей Марине — так её все называли, нашего когдатошнего дворника — я узнала на днях, когда попросила пригласить её к поминальному столу, в первую годовщину маминой кончины. А она там, в незамкнутой квартире, лежала на кровати — в пальто, платке и валенках, с высокой температурой из-за воспалённого уха. Заслав еды туда, на завтра приготовила тоже, и днём следующим — кто придёт ко мне, тот и отнесёт. До выздоровления. Первого января не ожидался никто, убрала бы в холодильник суп, — да вдруг гостья.

— Сейчас перелью в банку.

— Давай я.

— Сама. Рассказывай что-нибудь, на меня не смотри.

Не для посторонних глаз зрелище: мой телесный состав скособочен, руки поодиночке и на весу не работницы, а надо... Плюх-плюх ложкой, пока-то перелью из ковша.

— Отвернись, говорю. Ты городскую ёлку видела? В парке она или где?

Не видеть бы и мне её несчастных глаз. Прикрыла она лицо ладонью и выбежала. Под её взрыды в ванной переплюхав наконец варево в банку, покричала вызов.

— Хлеб тоже прихвати. На.

Сходила она к Марине.

— Спрашивает у меня: «Как же готовит Катя?» «Не знаю», — ответила я.

И опять маялись мы.

— Чем тебе помочь? Сижу, ничего не делаю.

— Отнесла поесть Марине.

— А для тебя — ничего.

— Это и есть для меня. Спасибо.

— Значит, если приду потом, так же посижу и уйду?

— Как все мои гости. Как обычно прежде.

— Прежде с тобой была тётя Вера!

— Её давно нет. В моём положении не выжить бы, полагаясь на случайную помощь. И почему, собственно, человеку полагаться не на себя?

В собственной-то жизни. И чем мой дом хуже чьего-то? Сиди и гости.

А она своё вывела:

— Значит, не простишь. Ну и правильно, так мне и надо.

— Не выдумывай. Ни на кого я не в обиде. Никто ничего никому не должен. И не жду никого.

Менее бы всего ей виноватиться из-за своего отсутствия в моём быту: мы давным-давно разошлись да и не сходились так уж тесно. А вот поди ж ты.

— Я понимаю, надо уйти. И не могу.

— Не мёрзни, — попросила я. — Я снеговушка, но ты не мёрзни.

— Да, да... Тётя Вера в больнице умирала?

— Нет, конечно. Дома, при мне.

— А эта... твоя одноклассница — Валя, да? — она приходит? Звонит?

— Нет.

— Тоже!

— А чем она хуже других?

Зато письменно поздравляла с днём рождения и с 8 марта, даже телеграмму присылала. Обращаясь вдруг на «вы» и по имени-отчеству! В пышных выражениях желая счастья, успехов в творчестве и долгих лет.

Ну, ежели народ хочет, постараюсь, конечно. Но ответно не телеграфирую.

ИСКУС

Выкарабкиваюсь из тяжких воспалений — горла, лёгких и т. д. Заодно пытаюсь освободиться и от взаимоотношений с кем-то: не до лишнего.

Но таковы правила жизни, что людские решения испытываются ею на прочность, тотчас. А тогда либо настаивай на своём, либо возвращайся на круг.

И вот лежу рыбиной снулой — с закрытыми глазами, бесшелевно — экономлю потребление кислорода, потому как душно. Кот Максим тоже сморенный валяется на полу в растяжку, брюхом кверху. Одного жаждем — свежего воздуха.

Телефон зазвонил. С ближнего перекрёстка, в ожидании автобуса человек, от которого освобождаюсь. Не хочу, не нравится, не надо.

— Катя, ты ведь выписываешь журнал «ЭКО»?

— Уже не выписываю,

— Зайти на минуту?

— Нет.

Зато все мои «плавники» и «жабры» панически встрепонулись: дурной головой упускается

счастливая возможность подышать ту минуту из форточек! И голова проговаривается-таки лишними словами:

— Какие тут гости? Душно...

— Я найду! — мгновенно реагирует умный человек. — На полчаса. Подышишь.

— Нет!

Но тот отключился, и мой телесный состав предательски возликовал. Села натаскивать на плечи вязаную кофту — готовиться к форточкам.

Он их сразу и пооткрывал всюду, по ходу своего продвижения от входной двери в мою комнату. И на меня надвигается.

— Куда?! — завопила я и закашлялась.

— Господи. — Вздохнул.

Оказывается, за шалью потянулся, снять с кроватного изголовья да укрыть ею меня.

— Дыши.

— Дышу, спасибо.

— Извини, куртку не снял.

— И хорошо, она холодная, с сентябрём.

Наклонился-таки к моей щеке:

— Я подержу платок, сползает.

— Пусть сползает.

— Не пусть. — (И присел-таки рядышком.) — Снимай с меня прохладу.

— Ага. — Ладонями с рук, лицом с лица: блаженство «жабрам»¹ и «плавникам».

— Полегче тебе?

— Полегче.

И уже в долгу как бы.

ГАДАЛКА

Опаздывает на работу. Считай, уже опоздала.

— Зачем же сюда шла?

— А, скажу: у тебя была.

— Ничего себе. От меня не опаздывают. Беги на автобус.

— На картошке автобусы.

— Говорю тебе: уедешь.

Звонит:

— Не опоздала! Как это делается — подавать автобусы?

— Совпадение.

Ей бы тоже необычных происшествий, полученных с доставкой на дом, интересных снов. Влиятельных способностей! А на моих маршрутах, говорит, ей сопутствует удача и случается удивительное. Раздразнена, допытывается секретов.

— Секретов нет. Просто живу. Безожидательно.

Секреты у неё, в том числе давний: ГОЛОСА. Ужасают, запугивают, соблазняют, диктуют.

— Не слушайся их и не бойся. Небо и ад в самом человеке.

Как бы не так. И что толку «подавать» ей автобус вовремя, когда все равно опоздала на всю смену. Голоса убедили: не в утреннюю ей выходить, а в дневную.

* * *

Она приходит на окна светлые и темные, на моих гостей и, ежели прискучат, от гостей своих. С проблемами, вопросами, страхами, снами. За новостями, знаниями, равновесием, ЦУ и РУ. За идеями и рассказочками. За чем угодно. Взываю:

— Думай сама. Не одевайся в чужие платья. Своей жизнью живи.

— Своя не такая интересная.

— Зато своя. Не обретишь опоры в себе — и нигде, значит.

Как бы не так. Напропалую гадает, а по нагаданному и мнит и поступает.

* * *

Болею тяжко, не дышится.

— Я ночевать останусь. Своих уже предупредила.

— А у меня спросила? Нет, не останешься.

— Ещё умрешь, а рядом никого не было.

— Вот именно. В одиночку жить хочу, а умирать тем более, без наблюдателей.

— Не уйду, не надейся.

— Ты что, хочешь, чтобы и вправду скончалась я к утру? Иди домой. Видишь, нет у меня сил на публику.

Но увидела она другое — мои книжки, взяла первую.

— Сейчас спрошу! У тебя же. Катерина молодая, меня прогоняет Катерина нынешняя. Болеет сильно, а от помощи отказывается. Мне уйти или остаться? Поступлю по-твоему. — И ткнула пальцем в наугад раскрытую страницу. В повеление уйти.

Ответ её потряс.

— Если вы обе так... Ладно. — И ушла.

* * *

Приснилось: слышим с мамой, дверь отмыкается. Иду взглянуть — она. Мама расстроена, я возмущена:

— Как можно — брать чужие ключи?!

А она двигается по квартире, вышла за моей почтой — и ноль внимания на нас: ни словом, ни взглядом.

Рассказываю ей наяву. Удивляется:

— К чему бы это?

— Да с нас с тобой картинка, один к одному. Но моих ключей ты всё же не бери, ко мне стучаться надо. И хоть к кому.

Нет, за разъяснениями обратилась, конечно же, к гаданию — в томик поэта Фёдорова.

— Катерине приснилась я. Как мне вести себя с ней? Что сделать, чтобы правильно было? Посоветуй, Василий Дмитрич.

В ответ выдалось:

— Не мучайте её, но помогайте.

Она огорчилась и дальше вопрошает:

— Чем помогать ей, как? Что имеешь в виду?

Я раскипятилась:

— Ты у меня спроси, у живой! А тем помогать, что не мучить! Не насильничать! И ничем больше! Моя жизнь, понимаешь? Подожди, когда позовут.

— Ты не позовешь никогда.

— Значит, и не надо, спасибо.

Её палец ткнулся в строку: «По шерстке белой...»

— Вот тебе: тот же самый ответ! Элементарный: в чужой жизни считаться с нею. Спасибо Василию Дмитриевичу!

Тогда уже она нехотя пообещала:

— Я подумаю

— Окажи милость, подумай.

Но её затащило в собеседования по иголке, с вызыванием духов.

Предостерегаю:

— Не верь. И опасно. И грех, по Библии. Добром не кончится.

— Это ты с тёмными общаешься, а я со светлыми!

Ага, со святыми. Счастлива. Окрылена. Исписывает блокноты диктовками. Верит всему. Что ни повелят, исполняет, любые нелепости. Знакомится с новой своей биографией и примеривается к предстоящей миссии — пророчицы и спасительницы.

— Я сказала, что ты не хочешь гостей в день рождения, спросила: «А в день Катинного рождения можно к ней прийти?». Мне отвечено: «Можно».

— А вот и не можно. Не день рождения, а день истребления. Едва живая. Чего ради, спрашивается?

— Но мне Бог разрешил!

— А я не разрешаю. Мой дом, моя жизнь.

Перестройка: ГОЛОСА там уже переименовываются в МЫСЛИ, а прежняя нечисть, похоже, переквалифицировалась в Старших по разуму Братьев.

Уже не видимся, но позвонила мне — сообщить, что я материализовалась в её комнате и ругалась там, наяву.

(Ага. А в соседнюю комнату вылетать не научилась. Откуда выкрадены мои записные книжки и другие бумаги, а я никого за руку не цап-царап: «Отдай моё сердце!» И привечала, дурочка, душу завидующую.)

Голосом без интонаций она говорит в телефон:

— У меня с Богом теперь связь напрямую, из космоса. И про тебя я теперь все знаю, мне рассказали, у меня записано.

То ли ещё будет.

С ДВУХ СТОРОН

В книге «Владимир, или Прерванный полет» Марины Влади читаю о том, что всё в СССР по блату, палас «можно получить лишь по записи, и

то надо долго ждать».

В эту минуту с телеэкрана, в передаче «Русский язык», слышу:

— Лучше подождать два-три месяца, но подготовиться по-настоящему.

РАЗНЫЕ ТЕМПЕРАМЕНТЫ

— 1 —

Тот самый случай, когда человек воистину звучит гордо.

Травмируются незадачливые ныряльщики по-страшному. Вот шею себе сломай — и неподвижен, с ложечки кормят.

Юрий Матвеевич, подростком нырнув в такую травму, поднял себя с кровати за пять лет. От группы инвалидности отказался, к врачам не обращается. Женат, детей растит. Преподаватель художественного труда в школе-интернате, мастер на все руки. Даже рассказы пишет (почему и вышел на меня). Даже штангу по утрам поднимает!

— Такие мне ещё на встречались, — говорю. (Впрочем, на то же самое в свой адрес). — Какой же вы молодец! На вас же приятно посмотреть: восстановился человек!

А он недовольтвует:

— Одна рука — видите? — плохо сжимается в кисти, медлительная, болит. И одна нога тоже...

— Да вы привереда, Юрий Матвеевич. Их бы всех благодарить и нахваливать с утра до вечера: носят вас, обслуживают терпеливо и безотказно, делают всё и больше, даже штангу тягают. А их упрекают! Просите прощения, а то и обидеться могут. Уже обиделись!

Улыбается:

— Интересно вы говорите. Нет, такими они мне не нравятся. Пусть исправятся.

Негодую:

— Чёрная неблагодарность! Да у них просто темпераменты разные: у левых сотрудников такой, у правых этакий.

— 2 —

Москвичка Лиля позвонила:

— Ваш голос услышать.

А у самой он слабый-слабый. У спинальницы-страдалицы, человека сильного, деятельного и душевно чуткого.

— Катя, ну разговариваю я со своими. По-вашему.

— Как разговариваете?

— В основном поругиваю. Сержусь.

— За что?

— За плохое поведение.

— И это по-моему?! Это дискриминация!

Лиля, только лаской! Они же все у нас героимученики!

— Но вторая-то нога таких коленец не выкидывает.

— У них разные темпераменты! Ишь какая. Моё телесное содружество выражает вам, Лиля, протест и сочувственно приветствует ваше телесное содружество. Надеюсь, все слышат?

Смех смехом, но всерьёз.

— Катя, но я слышу голос здорового человека.

— Стало быть, так и есть.

За похвальбу расплачусь «не отходя от кассы» — заболеть ли, несчастье ли свалится, но не кинуть же публично и других подквашивать, все мы и так сыроватенькие.

Лиля поинтересовалась даже:

— Катя, а вы постоянные боли испытываете? Например, сейчас болит что-нибудь?

— Например, просидень у меня слева, ранка. На правом бы только боку лежать. Или стоять. А я сижу, и весь мой быт слева: стул с электро-

плиткой, стул с пишмашинкой, холодильник, на котором телефон. И так далее. Притом всегдашние крошки и прочая враждебная мелкота. Ни вымести из-под себя, ни сдвинуться.

— Катя, кошмар!

— Ну. Так что хоть плачь, хоть кричи, хоть молчи. Или бодро разговаривай. Что ближе по темпераменту.

НЕРВЫ

Распсиховываться стал кот Максим. Что ли, возрастное? В крик протестовал, когда его снимали с кровати или я вознамерюсь подвинуть удобнее для себя, столкнуть ли.

— Максим, кричат мои ноги, отлежал. Пожа-лей, будь человеком? — И едва прикоснусь или не успею даже, уже заблажил:

— А-а-а, — истерично, на одной ноте.

Нервы не балалайка, надо считаться. Тотчас и сдамся, уступлю.

— Максимочка, зачем же расстраиваться? Успокойся. — Засмеюсь, обниму, поцелую, слов хороших в ушко наговорю. Что и требовалось: Ксану блаженство, весело мне — оба нежные.

Видя рассерженного, в крик негодующего чело-

века, думаю, что некому его обнять и сказать:
— Что уж так-то огорчаться? Пустяки...

ХОРОШО БЫ!

Утром 16 мая 1993 года пишу о виденных мною свечениях, в частности — о золото-красном, имеющем, по интегральной йоге, мощную трансформирующую силу в физическом организме.

А по ТВ в эту минуту реклама, со словами:
— Золотой знак удачи.

ПАРАД КАНДИДАТОВ

Первые президентские выборы грядут в России. Голосовать буду за Тулеева, но победить кому?!

И вот сниться они мне стали, поочерёдно. Кандидаты в президенты.

Там, во сне, мама оставила мне пельменей тарелку и ушла на работу. Поев, несу тарелку в кухню, а там — вот это номер! — Бакатин, утренний, в майке. Удивляюсь, но надо же завтракать гостю. Говорю:

— Доставайте пельмени из холодильника.

А их там нет! Не оставлено для гостя. Неудоб-

ственно мне, соображаю, как выправить положение.

— Ну, тогда яичницу поджарьте.

Проснувшись, предполагаю: наверное, не Бакатину достанутся «пельмешки».

— А кому?

И снится Рыжков. На вокзале в Златоусте, перед роскошным дворцом. Улыбается, довольный.

Проснувшись, встревожилась: неужели ему?

Тулеева увидела на телеэкране и очень издалека.

Зато Ельцин прямо домой явился, сел в мою кресло-коляску — бодрый, заинтересованный.

— Ну и работа у вас, Борис Николаевич, даже по ночам. Как не устаёте?

Проснувшись, думаю: похоже, этот кандидат уже уселся в наших домах?

Жириновский с Макашовым, слава Богу, обошли меня вниманием, избавив от лишних догадок.

ТОЛЬКО ПОДУМАЙ

Да уж подумала, с беспокойством и настоятельно. Послушав по обл-ТВ в передаче «Шаг за горизонт» некоего гражданина. Умыкнули его

в свои сферы инопланетяне, произвели операцию на сердце. (Или заменили сердце? Нет под руками тогдашних записей.) И вернули домой. Но высадили не у самой двери, а вблизи от дома: деревья и провода препятствовали полёту их тарелочного транспорта.

— Сердце заменили. Ну, кошмар.

Как бы ни относиться к подобным рассказам, но лучше насторожиться, чем отмахнуться.

Не инопланетяне, я полагаю, но НЛО явление достоверное. Сама видела дважды, в окно, с кровати, не говоря уж о снах.

— И мне спокойнее бы жилось более недоступной для таких приближений. — Вот о чём подумалось мне тогда.

Ну, деревья с обеих сторон и на углу дома — это хорошо.

— Но вот бы заграждение у окна! (Второе-то окно, дальнее, журналами заложено.)

И тут в самый раз оговориться:

— И что бы вы думали?

Да, едва ли не назавтра глянь я в окно, а там мужская голова.

Под тем окном, что напротив моей кровати, бетонный козырёк над дверью в парикмахерскую «Чародейка», так что запросто человеку высокого

роста заглянуть в это окно.

Оказалось, натягивает провода! От крюка в стене и чуть выше подоконника.

Я развеселилась:

— Пространство отозвалось! Спасибо!

Что за провода? Протянутые от крюка на моём доме к бетонному фонарному столбу напротив дома соседнего, просто так.

— Как бельевая бы веревка!

Поулыбалась я и своим переменам во взглядах на внешние обстоятельства.

Когда всех внешностей и всей природы для обозрения — за одним окном да в одной комнате, а обозреть их и только их изо дня в день, год за годом, десятилетиями, видеть там нечто некрасивое и безжизненное — тягостно, угнетающе взору и душе. Тот пересекающий воздушное пространство чёрный кабель, из-за которого спилили тополевую ветвь, ту железную загогулину с фарфоровыми роликами и проводами на крыше киоска.

— И вот у самого окна протягивается нечто, а я уже не угнетаюсь и не протестую душевно, но даже удовлетворена!

Итак, «меры предосторожности» приняты, живу-поживаю. До июньской шквально-грозовой ночи в 1992 году.

Даже дежурным электрикам звонила. Но там где-то рухнули под натиском разбушевавшейся стихии высоковольтные опоры и машина была в разъезде, так что лишь побеседовала с женщиной-диспетчером.

— Я не знаю, под током ли провод, и встать посмотреть не могу, что там сейчас. Но явно на нём, у самого окна, искритя и трещит по-электрически нечто. Очень громко и ярко. Как будто горит огромная бенгальская свеча. Или электросварка. А если провод перегорит надвое и если под током, концы же мотаться будут. Могут тогда и деревья загореться или кто-нибудь внизу, на земле, наступит. А вдруг подключён ко всему дому?

— Вряд ли, — усомнилась диспетчер, но пообещала утреннюю проверку: — Машина проедет и посмотрят.

Но поскольку проводка осталась в невредимости, я осталась в загадках касаясь того длительного трескуче-светового явления.

— Может быть, шаровая молния зависала? — предположил один знакомый.

— А такое зависание возможно?

Ураган тогда неистовствовал и днём, а мне прибавилось страхов. В окно и просто так могло удариться что угодно, ураганом несомое, и раз-

бить стёкла, а с приоконной проводкой с пущей вероятностью. Две ветки на тополе обломались и застряли на наружном подоконнике, беспрерывно колотясь толстыми суками в стекло, — того и гляди, пробьют.

— И глядела трое суток.

Одна ветка сорвалась-таки вниз, вторая прочно висела на проводе. А ветер не угомонялся.

Наконец пришла Тоня и через форточку — окна же мои круглогодично не распечатываются — стащила «лентяйкой» ту ветку с провода, обрушила на дверной козырёк «Чародейки».

И я призадумалась: а на фиг мне такой график, такое заграждение?

Ураганит редко, однако и обычными ветрами наносилось сюда веток. И вот в который раз подумалось мне о лишнем, все-таки, заграждении. Тоже летом, ветреной ночью, под жестяные подоконные призвуки. Под стукоток чего-то чем-то о стекло.

— Достучатся когда-нибудь!..

Следующим днём рассказывала, к слову, гостье Татьяне о появлении сей «заградительной» проводки.

— Видите ведь с улицы?

— Я не обращала внимания.

— Взгляните сейчас.

Она — к окну, куда и я взор обратила, а там и нет ничего!

— Это куда же оно исчезло? Человек же снимал? И я не увидела? Что ли, ночью?

Нет, не вовсе исчезло — остался пучковатый обрезок кабеля, со стороны настенного крепежа. Но тоже до поры до времени, а полное исчезновение произошло таким же незаметным способом. (Сейчас мне подумалось: небось тот вторцветмет умыкнули тати-добытчики!)

Способом заметным срубили тополя — и который на углу дома рос, и который напротив окна — былая отрада моему взору, защита моему телу — противосолнечная в жару, противолунная по ночам, верный мой товарищ по быту.

— А вы взяли бы на себя ответственность, — спросили меня, позвонившую в Зеленстрой с мольбой о пощаде, — за жизнь людей, которые могут пострадать, если дерево упадёт?

— Оно крепкое, ему всего тридцать три года!

Тогда его только обрубышем оставили. Первой весной он попытался жить дальше, выпустил новые побеги, но на следующий год они засохли. Вот неживого уродца спилить не поспешал никто, год за годом...

Итак, мои окна теперь в свободном доступе.
Но мне это уже безразлично.

СЛУЖЕБНЫЙ АВТОБУС

— Катя, опаздываю.

— Прошу ведь не заходить ко мне попутно, на бегу.

В машзаводскую поликлинику Тоне, это далеко.

— И автобусы плохо ходят. На своих двоих придётся.

— Уедешь, — заверяю её я. — Поспешай на остановку, а автобус я тебе подам.

И вот глазею в окно с кровати — выжидаю автобусного промелька сквозь тополиную листву, досадуя на себя за бахвальство.

Но промельк есть! Длинный жёлтый автобус, вверх по Кирова — Антонине вдогонку. Я засмеялась — повезло нам, спасибо! — и вернулась к своим делам.

Зато Антонина настолько впечатлилась, что позвонила мне из поликлиники, после приема у врача.

— Успела, Катя. Вот уж, действительно, «подала» ты мне автобус.

— Какого цвета? — интересуюсь я. — Я жёл-
тенький посылала.

— Жёлтенький и был!

Там дождь припустил.

— Зонт с собой, Тоня?

— Нет.

И я, тётка игручая, совсем зарвалась и обнагле-
ла — спрашиваю:

— Подать автобус? Тот же или другого цвета?

Вообще-то думала, она мне подыгрывает, потому
как из недоверчивых, в глубины явлений и психи-
ки не заглядывает. Но отозвалась она всерьёз:

— Не надо, Катя, спасибо, не трать энергию.
Подожду, не к спеху.

— Ну ладно, — «уступила», так уж и быть, я.
Однако устыдилась. Больше не буду! Ага, до сле-
дующего раза и хоть с кем.

МАМИНО ВАРЕНЬЕ

Раиса Николаевна в гостях, моя школьная
учительница, с Урала. Засолила мне капусты
банку. А кухонный осмотр съестных припасов
оглашала:

— Запоминай.

Припасов тех — кот наплакал, и сама помню.

— Катя, там у тебя варенья много.
— Оно древнее, испорченное.
— Варенье не портится.
— Но так мне сказали, давно. Только не всё выбросили да унесли на бражку. А хорошее, мамино, я раздала.

Оказалось, роздано не всё.

— Отличное варенье, Катя, я попробовала.

Раиса Николаевна и мне поднесла на пробу. Да, варенье мамино. Малиновое и смородиновое. Минимум одиннадцатилетнее.

— А я без варенья живу! Вот спасибо вам обещим. И, главное, в какой день?!

Двадцать седьмого октября — в день маминого рождения. Её угощение.

ВЗАЙМЫ

Двенадцатого декабря 1995 года во сне покойный отец дал мне в долг на полгода 50 рублей — за телефон. А покойная мама — 30 рублей, просто так.

Сон записала и забыла.

И надо же было мне заглянуть в тот блокнот и увидеть ту запись именно через полгода, день в день — двенадцатого июня.

Взволновалась, встревожилась: сроку конец, а долг родителям возвратила ли?! Чем? Каким образом?..

ВСЕ РАВНО В СУПЕ

Вечером придумалось приписать к своему новому рассказу концовку: «А потом суп с котом». Наутро передумала — пожалела кота. Зато по ТВ тем же утром — в кемеровском «Часе плюс», в мультике о собаках (по «Трём мушкетёрам») — прослушала песенку со словами:

— А потом суп с котом!

ОБЕЩАНИЕ

Перед выборами в Госдуму в декабре-95 я знала, что проголосую за блок Эллы Памфиловой — «женщины — лидера сильных мужчин». Но за кого по округу одномандатному? Из множества кандидатов лишь об одном знаю кое-что существенное: известен в нашем городе конкретными делами общей пользы, молод: слышала его по местному ТВ.

— Пожалуй, нравится мне этот человек.

Но как же понравился во сне! С двумя огром-

ными белыми калачами! Устанавливает их, по одному, в креслах.

— Оттуда не достану, — говорю. Он поспешает переместить калачи поближе к моей кровати.

— Да не надо, спасибо. Вот когда совсем-совсем нечего есть будет, съем их в сухарях. Хлеб от Сиднева.

Оба улыбаемся. Даже расшаркались, прощаясь:

— Вы одна у меня такая.

— Вы тоже — у нас. Буду за вас голосовать.

Поэтому 17 декабря, у красного ящика с избирательного участка, ничего другого не оставалось мне — отыскать Андрея Сиднева в списке кандидатов и закрестить его квадрат.

Ещё он, во сне, говорил о своём отъезде в Москву, но вернётся. И правда, уехал! Вернется ли?

ВОЗРАЖЕНИЕ

Заканчиваю переписывать свои «Родственные предприятия», и на словах о тупике, которого нет, с телеэкрана, в передаче «Мир», звучит:

— Сегодня тупиковое состояние.

ШУКШИНУ

Екатерина Николаевна преподнесла мне в нашу первую встречу, поздней осенью, гроздь красноспелой калины, на красном же шнурке.

— Куда положить?

— Да там... — Я кивнула неопределённо, и положила она гроздь на прикроватный кухонный, под салфеткой, стул, на газету, которую читала я до её прихода, — на статью о Василии Шукшине!

Всё правильно: ему.

ПОЧТОВЫЙ ЗАСЛОН

— Это чтобы рассказочку мне написать? — спросила я почтальона Лиду, в шутку. Оговаривалась же недавно:

— Жаль, ничего необычного в наших взаимоотношениях не случилось, а то бы тоже вошло в книжку.

А вот и случилось, вот и в повторе даже: принесла мне Лида корреспонденцию, а среди писем — моё собственное. Полежало, полежало здесь на почте и вернулось. Ничего особенного, кабы не повторно да во всех деталях, вплоть до времени

года — марта. Причём оба письма отправляла через Лиду же.

Но и возвращались они не в одиночку!

В марте первом письмо, адресованное в альманах «Литературный Кузбасс», откуда я ждала ответа по поводу своих рассказочек, вернулось непроштемпелёванным, в пачке других писем, среди которых была открытка от Зинаиды Александровны Чигарёвой, погасившая надобность в том моём письме.

Таково и в марте втором, двумя годами позже: совместно прибыли ко мне моё деловое письмо Зинаиде же Александровне, уже редактору моей рассказочковой книги «Нежность», готовящейся к изданию, плюс её встречное.

Лидино недоумение:

— Не знаю, почему не ушло ваше.

Зато письмо с двумя машинописными страницами текста для замены прежних в рукописи кануло-таки в почтовых недрах. Обеспокоенная долгим молчанием в ответ, я уже вознамерилась сделать запрос, но о потере узнала раньше, во сне. Как бы по видеотелефону вижу Зинаиду Александровну, спрашиваю:

— Вы получили мое письмо со страницами для замены?

— Нет, — ответила она.

ЮБИЛЕЙ

— На днях состоится торжество по случаю юбилея...

Моего. Чествовать будут почитатели моего таланта. Меня.

Два дня, утром и вечером, слушала это сообщение в октябре 1997-го по областному радио. Экой важности! Словно высадка космонавтов на Луну готовится.

Однако ж — и кому сие известнее, чем самой мне? А мне ничего не известно.

И что значит — «на днях»? Живу одна, положение сугубо кроватное. Подоспеет ли горничная хотя бы свежий головной платок подать мне из шкафа?!

А с какой стороны ждать объявленных гостей?

— Вообще, на моей ли территории состоится торжество? Или без меня обойдутся?

Точно: не на моей территории. Без меня обошлись.

Правда, от обычных моих дней рождения этот отличился-таки, кроме как вниманием СМИ, и

одним официальным приветствием непосредственно — из управления народным образованием. А постфактум, на неделе следующей, кем-то, вероятно, из досужих радиослушателей побужденные... Впрочем, то уже отдельная проза моей жизни.

СИГНАЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Во сне получила книгу с названием «Прости» от человека, с которым годом ранее вдребезги рассорилась.

Вскоре он позвонил мне, наяву, и сам извинился.

ЗАВЫШЕННЫЙ СПРОС

Своих припозднившихся, вечерних гостей прошу по прибытии домой отзвонить мне — доложиться. Хотя напутствую бодро:

— Бояться нечего, я провожу.

То есть — воображаемо. Да о световом плаще напомним — окутаться им, воображаемо, и идти, под защитой от всех встречных тёмных существ и существ.

И одёргиваю-то себя всякий раз, и зарекаюсь не

бахвалиться больше: слово не воробей. Но время лихое, говорю-таки Светлане Сергеевне:

— Провожу.

Телефона дома у неё нет, так что успокоиться мне лишь по завтрашнему её звонку с работы.

— Благополучно добрались до дому?

— Не совсем.

— А что такое? — И, с ёком, думаю о себе: «Ну, тётка, доигралась».

— Я упала, — рассказывает Светлана Сергеевна. — У самого подъезда.

— Моего дома?

— Нет, своего. Поскользнулась. Очень больно ушиблась.

— Извините, — каюсь я. — На моём маршруте такая авария впервые.

Повиноватившись, спохватываюсь-таки: а собственно, при чём я? На тёмных улицах никто не приставал, сумку из рук не выхватывал, меховую шапку не сорвал.

— Вот, — успокаиваю свою «проводницу». — Чего же боле? Что ли, и под руку ещё держать их и солодкой подстилаться? Нет, этого мы не обещали. И вообще, пусть не припоздняются.

ГРИБНИЦА

Вера приехала поздравить меня с днем рождения.

— Спасибо, но торт заберёте: не для моего организма.

Однако любопытствовала, какой торт,

— Не видела, — ответила Вера. — Просто торт покупала, что дали. Посмотрим?

— Не надо, не надо.

На столике «Сонник» Аноповой лежал, Вера заинтересовалась, взяла полистать.

— К чему грибы снятся, знаете?

— Нет,

Оказывается, к удачному браку.

— Надо же, как совпало, — подивилась она.

Недавно овдовевшую, во сне её именно муж, покойный, как бы благословлял на семейные перемены.

Сватается к ней человек, хороший, нравится, да и на хозяйстве без мужских рук в деревне тяжело. Вот и спросила, поплакав, на мужниной могиле:

— Как мне дальше жить, подскажи?

Возвращаясь оттуда, обратила внимание на грибы у тропы, не замеченные часом ранее. И тем

более в диво проглядеть, что октябрь пора не грибная.

— А теперь и муж во сне, и грибы там — словно бы те же самые!

Забирая торт, сказала:

— Съедим за ваше здоровье.

— Спасибо, съешьте за перемены к лучшему в вашей жизни, — ответила я.

Дома Вера развязала коробку с тортом, а торт выпечен-то в виде грибной полянки! К чаю вдвоём с тем человеком.

В ПИКЕТЕ

ЗЖБК, больница, библиотека, детский сад. Их телефонные номера разнствуют с моим лишь одной цифрой, и я отзываюсь на их ошибающихся абонентов, из года в год.

— Мои родственные предприятия!

На ЗЖБК вообще по-диспетчерски отслужила тридцать лет, потому что до меня номер моего телефона принадлежал этому заводу.

Но время, время...

— Как там наши заводы? — интересуюсь у своих захожан. — Не на боку ещё?

— Наверное, сейчас на боку все.

— А железобетонный жив? Что-нибудь ещё строим?

Не ошибаются больше «железобетонные» абоненты, и межгороду наш ЮЗЖБК не требуется на моей линии. А и потребовался, так мне в огорчение.

— А говорят, у вас там телефоны сняты! — обрадовался моему отзыву голос в телефонной трубке.

— Вы ошиблись, здесь квартира.

Значит, вправду в завале мой «родственник»?

Некогда давно спросили:

— Труба есть?

— Нет трубы, — ответила я. Позднее выяснилось, фамилия такая — Труба, некто с этого ЖБК.

И вот слышу вновь:

— А Труба там?

Обрадовалась: значит, живое предприятие, если давнишние работники на месте.

— Я по объявлению. Цемент ещё есть?

— Это квартира, набирайте 2-22. — Ибо от кого ещё такие заказчики на мой телефонный номер? Вот, цемент продаём, кирпич. Выкручиваемся, стало быть, выживаем.

Я тоже с «цементом» пока, даже «кирпичик»

где-то в наборе — рассказочковый сборник «Нежность».

— До корректуры бы дожить!

То бишь к «цементу» бы да пенсию вовремя.

Похоже, «бы» несбыточное. Транссиб опять перекрыт шахтёрами, наши солидарные горожане тоже сели на рельсы. Ссуда под пенсию не выдаётся, и получить бы хоть свои приподалые рублики в начале очередных выплат, до назначенного нашему дому срока. Звоню в соцзащиту.

— Мне ведь зарплату горничной выдавать.

Ни о чём больше не сказала. Бытую самодержицей, изо всех сил, ни под какой социальной службой, ни под какими шефами. Сим звонком, однако, навлекла на себя визит двух соцзащитных дам, с продуктами.

В моих закромах шаром покати. Приходы горничной сокращены с одного раза в неделю до одного, на те же час-два, в десять дней. Изыскала внутренний резерв! А запросто, ибо потребление ничтожное и «производственных» отходов, стало быть, соответственно. С замахом на безотходность вообще!

— За подкормку спасибо.

Положение непривычное, да ладно уж, на рабо-

те же я — жду корректуру своей книги. Но перед дамами повыступала, конечно, побахвалилась на тему выживания, поделилась ненормативным опытом.

— Но так жить невозможно!

Я возразила:

— Живу ведь. Значит, возможно. И одна уже двенадцать лет.

От предложенной соцработницы взамен моей горничной отказалась.

— Мне бы только свою пенсию ежемесячно.

— Но это не от нас зависит.

Свою женщину они привели-таки. Не поверили, что устою. Ну дак: кабы я стояла! А то сидячая, в завале.

— «Свободу и независимость Екатерине Дубро! И всем малочисленным народам!» Считайте, что под таким лозунгом я посидела в пикете перед вашим центром. И кому плохо от этого, кому во вред?

Мой пикет был разогнан, потому как через несколько дней позвонили мне из этого центра и слышу:

— Екатерина Владимировна, сегодня к вам придёт...

— А зачем? Не придёт. Не пойду я под вас,

спасибо.

— Опять вы за своё, Екатерина Владимировна.

— Конечно, за своё. За чьё же ещё?

Остались все при своих. А телефон в тот же день озвучился междугородной трелью:

— Предприятие «Железобетон»?

— Квартира, — ответила я, веселая.

Даже Ярославль недавно объявился на проводе.

— Вам надо набрать 2-22.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Остальные мои сономерники тоже в действии — больница, библиотека и, случается, детский сад. Так же и я: читаю, пишу, лечу себя и воспитываю.

ПЕРЕЛАЙКА

Июньским вечером, под лай выбежавшей на улицу, под мои окна, соседской собаченции, читаю у Кришнамурти:

— «Отсутствие двойственности — в действительности. Искусство слушать. Вы слышите лай собаки — слушайте его, не убегая от него. Оставайтесь с тем, что есть».

Более того: и печатаю это на пишмашинке под

собачий перебрёх за окнами.

КЛЮЧ ОТ МАШИНЫ

Из моих личных примет: желание, высказанное вслух дважды, сбывается. Вскоре. А осознала я это чётко после скорого отклика на повторенное, вслух и улыбочиво, не пожелание даже, а высказывание, в разговоре:

— Вот свалились бы вдруг денежки какие-нибудь!

Чтобы, впрочем, потратить их на нужды общественно полезные. В личной нужде пребывая. То есть вообще голодаю.

И приносит мне почтальон Лида фирменный конверт из Москвы с посланием ЗАО издательского Дома Ридерз Дайджест.

— С чего бы это вдруг?!

Вскрыв конверт, узнаю, что моё имя «вошло в составленный компьютером список возможных участников» очередного розыгрыша сего ЗАО, о чём им «приятно сообщить».

— «Для того, чтобы стать победителем в розыгрыше призов Ридерз Дайджест, всем участникам предстоит преодолеть три этапа. Этим письмом мы подтверждаем, что вы заочно прошли первый

из них.

В розыгрыше заявлялось 1000 денежных призов, включающих Большой приз — «1 миллион рублей нового образца!» (миллиард по-старому).

Затем получаю уже именной сертификат, с личным номером, плюс другие интересные бумаги в пакете, с разъяснениями той же Елены Смирновой.

Мне, «незаметно для себя», благополучно прошедшей первые два этапа розыгрыша призов, присваивается статус участника его финала — если верну свой сертификат «для регистрации» и этим подтверждаю «своё желание участвовать в третьем этапе розыгрыша призов, определяющем победителей».

Если же верну немедленно, в течение 8 дней с даты получения сего предложения, наградой может стать 30-тысячерублёвый выигрыш в дополнительном розыгрыше экспресс-приза.

— И это ещё не всё!

Предлагалась подписка на журнал «Ридерз Дайджест», с прилагаемыми для ответа специальными конвертами, в одном из которых, по выбору, и возвращается сертификат.

— «И это ещё не всё».

Согласием на подписку обретаю шанс стать обладателем суперприза — автомобиля! Одного из трёх, фотообразцы которых вижу на конверте «ДА» — точнее, марки ВАЗ-2115, отмеченного указующим номером МТ-14, каковой значится на ключе, приклеенном к красной карточке. Надо отклеить его, поместить в кармашек, вот он, ДА — конверта.

— И это ещё не всё!

Для подписчиков журнала разыгрывался дополнительный приз «Окно в Европу» (путешествия).

Так что вкупе шансов что-нибудь выиграть немало, потратившись лишь на почтовую марку да 129 рублями на годовую подписку журнала, а то и меньше, если захочу прервать её.

— Ну и зачем им так по-крупному раскошеливаться?

По их объяснениям, из рекламных интересов, расширяют круг своих подписчиков.

Живу в затворе, не знакома с нынешними периодическими изданиями, кроме «Литгазеты», в отличие от «дореволюционных» времён, когда только по подписке получала их около сорока. Но, судя по прилагаемому проспекту, «РД» издание солидное, выходит на 19 языках, тиражом

27 миллионов экземпляров и, по данным Книги Рекордов Гиннеса, самое читаемое в мире.

А мне, изловчись я вдруг да изыщи свободную денежку в своём пенсионерском бюджете, потратить её захочется, конечно же, не на сей американский журнал, а на какой-нибудь из своих прежних любимых — «Человек», например, «Свет» ли, «Знание — сила», «Вопросы философии», «Вопросы литературы» и т.д. На книги.

— Да сколь угодно «т.д», если повезет выиграть.

И почему бы не повезти? Игра с доставкой на дом. Человеку безденежному, совсем беспомощному физически, одинокому, неазартному и, в чём бы то ни было, не рассчитывающему на выигрыш и подарки, разве что — на прибавку к пенсии в массовом порядке да на заработок.

— И поэтому Фортуна может ведь улыбнуться?

Я-то улыбнулась. Такому шансу. Тоже подарок. Причём все внешности как бы обещали удачу.

— Во-первых, приглашение исходит из Москвы, знакового в моей жизни города, начиная с очерка обо мне «Живет в Юрге девочка» в центральной газете «Литература и жизнь». Даже на улице Московская живу. Так же как название улицы, на которой расположен дом этой фирмы, перекликается

с моей фамилией — Дубининская.

— Во-вторых, и фирменный их знак, логотип, симпатичен каждому творческому человеку: крылатая лошадка. (На волнах, правда).

— В-третьих, номер моего именного сертификата, с тремя начальными семерками, по вибронислу единица, что есть число цели, самое сильное.

— В-четвертых, номер ключа к Суперпризу — 14 — вообще моё число, пожизненно значительное событиями, удачливое, а его корневое число — 5 (1+4), которое есть, по науке о числах, число риска, но и удачи, самое счастливое, а главное — лично моё по дню рождения — человека № 5.

— Наконец, даже в том, что такие розыгрыши устраиваются в массах, для меня дополнительный бы пропуск, ибо смогу обеспечить материально не в виде исключения (чего не приемлю), а наряду со многими и по общим правилам.

Почтальон Лида сообщила:

— Много таких конвертов разносим мы по городу. Люди втягиваются, тратятся, а чтобы выиграл кто-то, не слышно.

Я же вовсе не слыхивала раньше о таком общественном явлении. Даже наш далекий от столиц город задействован!

Вот. Что сразу не понравилось мне очень и о чём спросилось:

— Как так? Что за государство, в котором, как видно, любая частная компания имеет доступ к паспортным данным — ФИО, домашние адреса граждан любого населенного пункта?! И тасуют их в своих интересах, без ведома и согласия самих граждан! По какому праву?!

Интересы же, видимо, крупные, ежели игровым полем — вся страна, от Москвы до самых до окраин. И не в убыток столь масштабные затраты на изготовление именных сертификатов, наклеек, конвертов и прочей атрибутики в наборе весьма впечатляющем.

— Предприниматель на свободе. А нас всё тянет посчитать деньги в чужом кармане, — говорит Лида, улыбается.

— Но если в том кармане вся страна оказывается?!

Конечно, свобода, и хорошо. На этом-то и проявляемся: чего кому хочется и каким способом что достигается: выбор за нами — лично и массово.

Если в чьём-то понимании ключ от человеческой машины в рублях, такое предприятие и затевается.